

Памяти отцов посвящается

Из династии священнослужителей

Незадолго до своей кончины настоятель Васильевской церкви села Васильевское протоиерей Сергей Сапун поделился воспоминаниями о своем отце-священнике, к которому он всегда испытывал искреннюю любовь, уважение и почтение. Рассказал о том, какой глубокий след в его душе оставил пример жизни родителя-пастыря...

Протоиерей Сергей Сапун: Мой отец, протоиерей Аркадий Сапун скончался в день памяти преподобного Сергия Радонежского (осеннего). Я ведь из рода священнослужителей произошёл. Родился под городом Брянском, в селе Супонево. Фамилия Сапун белорусская, хотя сам я никогда не был в Белоруссии. Одного деда звали Савва (отец Аркадия), он был иереем, другого — Федор (мамин отец), он служил диаконом. В обоих родах детей много было. Мой отец был двенадцатым ребенком в семье, а в маминной семье родилось девять детей. Мамы все хорошо пели. Дед Савва во время Великой Отечественной войны воевал в партизанском отряде, было ему тогда всего 14 лет. Его часто посылали в разведку. На войне и получил ранение. А дед Савва тоже воевал, был он большой и сильный, когда пел, лампа керосиновая гасла. Он дружил с певцом Михайловым. И когда они вечером садились и пели, в деревнях соседних было слышно, километров за пять. У деда был бас сильный, да и сам-то не мал — папка с мамкой в дедову шубу одевались вдвоем и застегивались на все пуговицы... Сейчас из детей деда осталось только трое. В роду нашем много священства: не только деды, но и дяди мои, братья, племянники...

Отец мне про Белоруссию много рассказывал, про владыку Антония (он раньше был Оренбургский и Бузулукский, в Жировицкой семинарии преподавал), уж очень его любил, он Жировицкую семинарию заканчивал. Владыка во время войны был танкистом и дал Богу обет: «Если останусь жив, пойду в священники!» Однажды попал снаряд в танк, всех из экипажа убило, только он один остался в танке живой. Когда пришел с войны, принял монашество.

Но вот сами родители, папа и мама, военные воспоминания рассказывали с неохотой. Хотя некоторые подробности их личной жизни удалось узнать. Например, родители мои до свадьбы встречались всего два раза. Духовенство тогда часто дру-

жило между собой. И вот однажды папа в гостях увидел мамину фотографию и сказал: «Она будет моя» (маму зовут Ольга). На следующий престольный праздник они встретились, и папка проводил ее до дома. На третий раз он уже засылал сватов. Так они поженились. А когда он впервые увидел мамину фотографию, сорвал тогда вишневого веточку, на которой было пять ягодок, и попросил сестру ее: «Вот это Оле передай!» И очень символично, что в семье у нас родилось потом пятеро детей.

Отец мой, протоиерей Аркадий больше сорока лет прослужил в церкви села Бобрин Камаричского района Брянской области. Она находится прямо по трассе Москва-Киев. Впервые приехали туда родители — деревня глухая. Мама ему говорит: «Аркадий, как же мы тут будем жить?» Отец наблюдательный был и заметил, что в сторожке полы вытоптаны, значит, люди здесь бывают. «Проживем!» — успокоил мамушку. За долгие годы служения на него бывало и начальственное, и государственное давление, но народ его любил. Много даже мы, родные, против папки воевали, кое в чем обличали, упрекали... Например, неизвестно кто к нему заехал: «Батюшка, у меня колесо полетело!» А батюшка, не задумываясь, поднимает домкратом свою машину, снимает колесо и отдает. Он готов был рубашку с себя снять, чтоб людям отдать. Вот так вся жизнь его и прошла.

Отец любил людей. Многие поражались, что абсолютно любого человека папка всегда с открытой душой и с любовью принимал. Мог ночью поехать, если людям надо было что-то. Особенно к болящим. Например, привозили к нему беснующихся, которых удерживали по 5-6 человек. Отец говорил им: «Отпустите его», подзывал больного к себе, и человек делался кротким, как овца. Мамка мне рассказывала, что прихожане в селе и сейчас на могилку к отцу Аркадию заходят, поклоняются, помолются, а потом в храм или на работу. Как будто он всегда был и всегда будет. Отца моего, священника Аркадия многие любили. Он очень много трудился и молился, никогда никому ни в чем не отказывал. Одна бабушка мне рассказывала: «Он не как современные батюшки. У него нет ни машины импортной, ни дома-дворца». На самом деле, жил отец даже намного хуже, чем обычные сельские жители. Папка никогда к достатку не стремился. Он не боялся сказать правду, кто бы перед ним ни был. И любил повторять: «С ложью вперед-то пойдешь, только назад уже не вернешься!»

Я с отцом проводил очень много времени. Мне папка говорил, что лучше быть христианином, достойным человеком и уважаемым членом общества, чем худым батюшкой. Но, видно, так Богу было угодно, чтобы я стал священником. Я сам восемь классов в Бобринке окончил. Родители хотели, чтобы я доктором был. Для этого занимался дополнительно физикой, химией, биологией. Вообще я с детства очень много болел. И врачи говорили, что надежды на жизнь у меня практически нет. Можно сказать, что папка с мамкой меня вымолили.

Я в детстве лежал в больнице по году. Но зачем-то Господь меня пожалел. Это

на Крещение Господне случилось. Играли с ребятами в хоккей. Лет 14 мне было. Все довольные, распотевшие шли домой. Шли по речке. Все ребята прошли, а я провалился под лед. Оказывается, там какой-то ключ бил, а когда вода циркулирует, лед подмывает. А меня врачи предупреждали, что ни в коем случае нельзя ни простыивать, ни охлаждаться. Мне в школе нельзя было делать даже прививок. Но я вот в речку ледяную окунулся. Ребята клюшку мне подали, вытащили. Не очень холодно было, градусов 10-15, но одежда на мне успела заоченеть, пока пришел домой. Мама, когда меня увидела, с ней плохо стало. Первое, что она сказала: «Пропал маленький!» Сразу раздела, растерла, тут же в кровать под одеяло уложила. А у меня даже легкого насморка не было. С тех пор я ни разу не был в больнице, никогда большие почки не беспокоили. Вот такое было чудо со мной после купели Крещения.

Здесь в Лавре Преподобного Сергия и в ЦАКЕ как-то мы с отцом были. Один монах мне и сказал: «Оставайся у нас, Сережа!» Так я и остался здесь. После школы ведь я в Перми жил у родственников. Потом у владыки взял благословение поехать учиться. В Московской семинарии отучился, закончил один год Академии духовной и в 1991 году ушел из рядов студенчества. Поехал к владыке Владимиру, Ростовскому и Новочеркасскому, а попал к владыке Ювеналию. Тогда с вопросами рукоположения было очень легко. Священников требовалось много. На тот момент в Сергиево-Посадском благочинии действовало всего два храма: Ильинский и Шеметовский. И в очень короткий период открылось еще 42 храма. Тогда благочинным был отец Зиновий Анисимов. Он посадил меня на свой зеленый старенький «Москвич» и мы поехали на этот приход. Привез сюда и сказал: «Отец Сергей, тебе здесь будет хорошо!» Я посмотрел, деревья растут на замшевых стенах, малина на крыше храма и засомневался: «Чего уж тут хорошего?» Разрушены были своды, кирпичи падали. Я очень переживал, боялся, вдруг уберет кого-нибудь. Зимой в храме холодней бывало, чем на улице. Печку топили, да толку мало от нее было. Начинили с вечера, Анна Ивановна Корсакова тогда была жива. Она угля ведра 3-4 туда с вечера засыпала, чтобы утром пораньше затопить...

Трудно или не трудно быть священником?! Так это, смотря каким быть священником. Как священник в храм, так и монах в монастырь приходят из мира. Какой мир на данный момент, такое и все вокруг. Священник не может его один изменить. Других-то поучать легче, чем себя спасать. Сейчас ведь жизнь такая, что либо ты должен идти на крест, либо смириться с сегодняшним положением.

Что есть любовь? Есть ли она в нас? Почему Сам Христос трижды вопрошал Петра: «Любиши ли Мя?» Ведь как часто и нынче — не успеет «петель» возгласить, как вся любовь уйдет. Бывает, готовит себя человек к какому-то высокому подвигу всю жизнь, — вот совершу подвиг и спасусь, дескать. Думаю все же, что любовь должна быть ежедневной — и ежедневным должен быть подвиг жертвенности. А для чего еще человеку жизнь дана?! «Семьдесят еще восемьдесят лет?!» Для того, чтобы человек поборол любые страсти, изменил свою жизнь, полюбил людей и Бога. Вот я когда на приход пришел, прихожане меня спросили: «Батюшка, когда же храм восстановится?!» Я им сказал тогда: «Когда вы его восстановите!» И они немножко расстроились, не ожидав такого ответа. Не зря же сказано, что доброе дело быстро не делается, сначала сеньем раз отмерь! Хорошо запомнил я и напутственные слова благочинного, отца Зиновия: «Лучше заронить искорку любви в душу, чем кирпич в храм!» На самом деле это так. Вон люди стоят в разрушенных храмах на снегу и на коленях молятся Богу. И Бог их слышит.

Хоть в нас и нет должной веры, но надежда есть всегда. Раз Господь терпит нас по сей день, значит мы не безнадежны. Правда, сейчас среди православных даже есть люди, которые все хотят обосновать

Светлой памяти протоиерея Сергия

Цветы в храме

Ко лбу аналойной иконы,
К ногам Иисуса Христа
В невольном порыве пионы
Свои приложили уста;

***

Склоняя к божественным ранам
Багровые гривы-главы,
Они послужили мирянам
Примером сыновней любви.

***

В объятиях жасмина и лилий
Алтарь, аналой, солея
И строгий святитель Василий,
И грозный пророк Илия...

***

И любящий батюшка Сергей,
Рукой поправляя стихарь,
Он просит нас быть милосердной,
Молиться усердной, как встарь.

***

«Дай Бог нам еще потрудиться,
Как трудимся мы двадцать лет.
Как, помнится, птица-синица
К нам в храм залетела чуть свет.

***

Под куполом клювом, как ишуркой,
Работала, полная сил,
И падала вниз штуркутурка...»-
Так батюшка наш говорил.

***

И взгляд у него отрешенный,
Спокойный, как пламя свечи.
Вокруг него кашею пшениной
Рассыпаны солнца лучи.

***

В награду рассыпаны — милым
Синичкам; кругом — благодать;
И мы, прихожане, всем миром
Спешим ко Кресту припадать.

***

Мы радуемся именам,
Мы празднуем День всех святых...
И пахнут пионы жасмином,
И лилией пахнет мой стих.

Лев Усачев

рационально. И очень много людей, которые верят в суеверия. И язычества много сейчас. И чем только ни озабочены люди, лишь бы только не тем, чем надо. И белое братство, и Кашпировский, и целители разные. У нас в селе тоже такая проблема есть. И сколько им ни говоришь о вреде и последствиях, в ответ, бывает, слышишь: «Батюшка, вот еще один раз схожу и больше не буду!» Баба «знахарка» им голову морочит: «Я лечу молитвами», сама в храме бывает раз в год, вот и придумавайтесь, почему ее «молитва» сильнее вашей «веры»? Но человеку хочется: «Покажи нам чудо, и мы поверим тебе!»

Чаще всего только в конце жизни человек понимает, как он жил, что он делал, и как нужно было. (Ну, совсем как в школе, где юному говорят, что надо учиться, а ему хочется в футбол гонять или на дискотеку сбежать). Вот когда люди, наконец, понимают, тогда и в храм приходят. Так же и об ответе, который человек в свое время даст Богу, мало кто всерьез задумывается. Но ответ все равно придется каждому держать.

Конечно, не сразу я понял, что благочинный отец Зиновий был прав. Не в каждом приходе находятся такие люди, которые с душой относятся к храму. Во многих приходах — люди пришли, помолились и ушли. У наших же прихожан есть общий дух, есть общение. Они радуют друг за друга, пытаются участвовать в жизни прихода, что-то делать для храма. У нас все совместно решается. Подсвечники, паникадила, престол, облачения... все совместными усилиями приобретали. Считаю, что вера держится на бабушках, поэтому их надо ценить, их надо любить. Верующая бабушка лучше многих знает, что с ней Бог и ей нечего бояться. Без воли Божией ничто не совершается. Вся церковь держится на бабушках. В них есть вера и у них есть мудрость, жизненный опыт. У них есть любовь.

Что такое государства без справедливости (основание которой заключается в религии), как не большие разбойничьи банды?

Блаженный Августин